

УДК 343.226

Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА, Луганский государственный университет внутренних дел

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛИЯ¹

Ключевые слова: методология, криминологическое исследование, насилие

Изучение проблемы насилия связано со значительными трудностями. Понятие «насилие» является одним из широко применяемых как в повседневном, так и в научном обиходе. Являясь эмоционально окрашенным, само слово «насилие» уже предопределяет некоторую аберрацию в восприятии этого явления. Русский философ Иван Александрович Ильин следующим образом выразил эту закономерность: «В самом слове «насилие» уже скрывается отрицательная оценка: «насилие» есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное; «насильник» есть человек, престапующий рамки дозволенного, нападающий, притесняющий, - угнетатель и злодей. Против «насилия» надо протестовать, с ним надлежит бороться; во всяком случае, человек, подвергшийся насилию, есть обиженный, угнетенный, заслуживающий сочувствия и помощи. Одно применение этого ценностно и аффективно окрашенного термина вызывает в душе отрицательное напряжение и предрешает исследуемый вопрос в отрицательном смысле. Доказывать «допустимость» или «правомерность» насилия – значит доказывать «допустимость недопустимого» или «правомерность неправомерного»; реально, духовно и логически доказанное – тотчас же оказывается аффективно отвергнутым и жизненно

¹ Автор выражает искреннюю благодарность коллегам, внесших неоценимый вклад в написание данной статьи – Е.А. Гнатенко, В.И. Покладу и А.И. Звягинцеву, без помощи которых написание данной работы было бы невозможным

спорным: неверный термин раздваивает душу и заслоняет ей очевидность» [1, с.20].

Между тем, одним и тем же словом «насилие» могут обозначаться явления совершенно разнородные с правовой и моральной точки зрения. В указанных трудностях (кажущихся филологическими, но по существу являющимися теоретико-методологическими), заключается большая опасность. Ведь отнесение к общественно полезному действию слова «насилие» предопределяет соответствующую негативную оценку этого действия, желание уклониться от его совершения.

Проблеме насилия посвящено много работ: С.Н. Абельцева [2], И.А. Петина [3], Л.В. Крыжной [4], статьи С.В. Кочетковой [5], Н.В. Иванцовой [6], А.Н. Ильашенко и П.Г. Пономарева [7], Т.В. Шипуновой [8] и др. Наиболее значимыми в плане методологии являются работы Л.Д. Гаухмана [9, 10], Р.Д. Шарапова [11], Л.В. Сердюка [12], диссертационные исследования Ю.В. Радостевой [13], А.В. Бойко [14], В.И. Фуркало [15], статьи А.А. Гусейнова [16, 17], А.Б. Благой [18], А.Н. Игнатова [19], И.Д. Горшковой и И.И. Шурыгиной [20] и др.

Несмотря на обилие работ, посвященных проблеме насилия, методологическая сторона большинства исследований характеризуется неоправданно избирательным и односторонним подходом, при котором используется недостаточное количество признаков насилия, что затрудняет либо делает невозможной верную квалификацию деяний. В связи с этим целью настоящей статьи является представление системы критериев, позволяющих корректно осуществлять квалификацию деяний с насилием, что и составило новизну настоящей работы.

Наиболее устоявшимся (можно сказать - обычным) приемом является использование при определении понятия «насилие» такого признака, как совершение действия в отношении иного лица *против (помимо) его воли*. Эта теоретическая позиция восходит к работам русского писателя и моралиста Льва

Толстого², который утверждал, что «насилловать – значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие» [21, с.303]. Следуют за ним в этом вопросе и некоторые современные авторы [15, 16, 22, 23].

При таком подходе единственным признаком, который позволяет произвести разграничение между действиями насильственными и действиями ненасильственными, является признак совершения их «против воли иного». Соответственно все деяния, совершаемые в отношении иных лиц, следует разделять на два вида, как совершаемые:

- сообразно воле иного лица (ненасильственные),
- против воли иного лица (насильственные).

Такую трактовку понятия «насилие» можно условно назвать расширительной. К чему способно привести такое определение? Следуя его логике, к насилию следует относить *любое* воздействие, осуществляемое против (помимо) воли лица, в отношении которого оно осуществляется. Соответственно, к насилию необходимо причислять: воспитательное воздействие, некоторые виды медицинского лечения, административную деятельность государственного аппарата, судопроизводство³ и т.д.

В методическом плане такая установка заканчивается заведомо малоперспективной попыткой сопоставления качественно различных социальных фактов и явлений. Естественно, в рамках этого подхода возникает необходимость различения законного (легитимного, правового) насилия и насилия незаконного (противозаконного) [22].

Проследим последовательность размыш-

² См. напр., его работы: «Закон насилия и закон любви» (1908); «Царство Божие внутри вас» (1893); «В чем моя вера?» (1884), а также: «Письмо студенту о праве» (1909) // Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви: О пути, об истине, о жизни. –М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. –С.894-900 и др.

³ Что и делает Л.Н. Толстой в уже упомянутой работе «Письмо студенту о праве».

лений, присущую указанному подходу. Все действия, совершаемые против воли другого лица, называются насилием. Под насилием же «автоматически» понимаются отрицательные и недопустимые действия. Здесь мы должны подметить логическую подмену. Она состоит в том, что а priori все, совершаемое против воли иного лица (называемое насилием), безосновательно причисляется к недопустимым формам поведения. Таким образом, признается, что признака «противовольности» достаточно для признания недопустимым того или иного поведения. Невозможно представить, что логическим путем можно придти от противовольности к недопустимости противовольности. Ведь волевая характеристика действия – лишь одна, но не единственная характеристика действия.

Недостаточность для определения насилия указанного единственного признака легко выясняется и путем приложения этого подхода к конкретным жизненным обстоятельствам. Ведь если насилием является *все, чего человек не хочет*, то таковым, безусловно, нужно признать и действия матери, которая забирает ребенка, сидящего у открытого окна, когда дитя кричит и сопротивляется этому, либо заставление ребенка принять лекарство. Безосновательным является и отношение к насилию службы в любой структуре, предполагающей подчинение (командиру, начальнику, директору), выполнение приказа, ведение боя. Ясно, что выполнение приказа предполагает, как правило, несомненное его принятие и выполнение. В противном случае невозможно выполнение задач обороны государства, деятельность по пресечению преступлений и задержанию преступников и т.д. Здесь при конфликте интересов разного порядка – личных и общественных – личные должны уходить на второй план, что далеко не всегда сопровождается согласием. Поступая на службу в такое подразделение, человек соглашается с тем, что будет выполнять все данные ему распоряжения даже без своей на то воли или сочувствия. В любом случае, в *полном* согласии со своей волей эти

поступки не совершаются.

Наиболее парадоксальным в рамках описываемого подхода является игнорирование возможности насилия, совершаемого в отношении себя. Однако, чем иным, кроме насилия над личностью следует признать употребление наркотиков, самоубийство?

Таким образом, важным промежуточным выводом является признание такого признака как совершение действия против воли иного лица *необходимым, но не достаточным* для отнесения действия к насилию.

Кроме расширительного подхода к определению насилия существуют и попытки более узкой интерпретации этого термина путем введения дополнительных (помимо признака «принудительности») признаков.

В этом случае определение, помимо родового признака «принудительности» («противовольности» - совершения деяния против либо помимо воли лица), содержит дополнительные видовые отличия, обеспечивающие некоторую *дифференциацию* внутри явления. Зачастую в качестве таких признаков насильственного деяния используют *незаконность* или *причинение* (угрозу причинения) *вреда*: «насилие – это внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действий» [12, с.22].

Видно, что в качестве существенных признаков насилия выделены такие, как:

- действие совершено против (помимо) воли лица, в отношении которого осуществляется воздействие (родовое понятие),
- указание в законе на противоправность (незаконность) такого действия (видовой признак),
- возможность причинения вреда.

Ясны мотивы введения в определении признака *противозаконности*. Однако следует отметить, что его добавление в качестве существенной характеристики явления, по-

зволяющей отграничить его от иных видов «противовольных деяний» - ненасильственного принуждения, - является проблемным. Нормы писаного права (в отличие от *идеи* права) исторически изменчивы и не носят безусловного характера. Следовательно, если и вводить признак незаконности в характеристику насильственных действий, то лишь в качестве факультативного (дополнительного), а не существенного.

Также весьма распространенный способ уточнения понятия «насилие» – включение в определение признака причинения вреда (либо возможности причинения вреда). Так, А.Н. Игнатов определяет насилие как энергетическое воздействие на органы и ткани организма человека, их физиологические функции, путем использования материальных факторов внешней среды (механических, физических, химических и биологических и/или воздействие на его психику посредством информационного воздействия, которое осуществляется против воли человека, способно причинить органическую, физиологическую либо психическую травму, а также ограничить свободу волеизъявления либо действий человека [19, с.70].

Таким образом, насилием является такое действие, которое совершается против (помимо) воли лица и причиняет ему травму (либо способно ее причинить). Следовательно, если противовольное действие не причиняет (или не способно причинить) травму, то насилием не является.

Использование понятия вреда (либо его возможности) в качестве существенного признака насилия на первый взгляд представляется достаточно логичным. Такая мысль следует из упомянутой выше ассоциации насилия с негативными и вредными (травмирующими, причиняющими вред) действиями. Однако вред, понимаемый здесь как причинение повреждения, боли, может быть причинен и при медицинской операции (например, при ампутации ноги). Нога потеряна, и это есть несомненный вред. И если кто-то возразит, что если бы не ампутация, то

человек бы умер, и потому ампутация была осуществлена во избежание более значительного вреда и с согласия самого больного, то, тем не менее, сам факт причинения вреда как такового не ставится под сомнение. Другой пример, который заставляет усомниться в достаточности введения признака причинения вреда (либо угрозы его причинения) – причинение телесных повреждений преступнику при его задержании. Здесь вред будет также необходим. Все указанное выше естественно приводит нас к мысли о недостаточности и факультативности признака причинения вреда (либо угрозы причинения вреда) для отнесения действия к насилию.

Существует также такой вариант «методологии», который можно определить как полное ее отсутствие. Он нередко встречается в эмпирических исследованиях (социологических опросах), если респонденту предоставляется возможность самому определить, какой смысл он вкладывает в слово «насилие». Так, при опросе общественного мнения в г. Одессе и Одесской области (Думко Ф.К., 2002 г.) задавался вопрос «Что Вы понимаете под насилием?» [24, с.42]. Такой подход подобен предоставлению больному возможности самостоятельно установить свой диагноз. По сути, это крайний случай субъективизации методики исследования, по сути - отрицание необходимости и возможности установления существенных признаков явления, что приводит к своеобразному «методологическому нигилизму» - отрицанию методологии вообще. При таком варианте «методологии» отсутствует определенность в предмете исследования, ведь каждый респондент вкладывает в понятие свой смысл. Каковы же могут быть результаты такого опроса, когда каждый респондент имеет в виду что-то свое, а исследователь – другое? Это противоречит общенаучному требованию предметной определенности научного исследования, в конце концов – закону тождества, предписывающему однозначное и определенное в рамках научной процедуры использование термина при каждом

случае его употребления. Возможно, результаты такого рода опросов (о том, какой смысл вкладывают в понятие «насилие» респонденты), может быть интересен *филологам* – к примеру, использован для составления толкового словаря. Во вступительной статье к толковому словарю С.И. Ожегова поясняется: «В словаре раскрывается значение слова в *кратком* определении, достаточном для понимания самого слова и его употребления в *современной* речи. Отсюда понятно, что от словаря нельзя требовать сведений для всестороннего знакомства с самим предметом» [25, с.6].

Таким образом, выше представлены два по сути крайних, и в равной мере неприемлемых варианта методологии. Первый, который можно назвать конвенционально-правовым (юридический позитивизм), состоит в признании насилием того, что названо насилием в законе. Другой вариант – отказ от попытки дать общее, однозначное определение насилия со ссылкой на общественное мнение - можно считать проявлением своеобразного вульгарного социологизма. Ни один из этих подходов не может служить основой для криминологического исследования по следующим причинам. Криминолог как ученый не может воспринимать нормы права (позитивное право) как нечто абсолютное и устоявшееся. Ведь одна из задач криминолога – выяснить адекватность правовых запретов и предписаний, в том числе объективность их притязаний, возможности их исполнения, что естественным образом в качестве диспозиции предполагает сомнение в конкретных правовых нормах. Это аргументы против притязаний на «позитивность» научного исследования. Что касается социологизма в его худшем виде, то он неприемлем в связи с проистекающей из него беспредметностью изучения. Результатом такого исследования может стать примерно такой вывод: существует множество точек зрения относительно того что считать насилием, преобладают следующие... Однако для строгого научного изыскания требуется объек-

тивная оценка явления, обоснование его положений, а не субъективизм, состоящий в фиксации спектра мнений.

В итоге мы должны признать, что вопрос методологической разработки насилия все еще остается проблемным. Необходимо изыскать возможность объективной оценки принудительных действий. Это заставляет нас выйти за рамки юридического подхода к проблеме и обратиться к фундаментальным работам, в первую очередь – философским.

В отечественной философской литературе проблема определения понятия «насилие» возникла в контексте спора о непротивлении злу силой, сосредоточенном в сочинениях русских религиозных мыслителей конца XIX - начала XX в.в. Начало спора связано с появлением работ Л.Н. Толстого, который известен не только как писатель, но и как философ – родоначальник идеи «непротивления» (недопустимости сопротивления злу посредством силы). Среди основных текстов, посвященных анализу непротивленчества Л.Н. Толстого с позиций русской религиозной философии следует отметить статьи С.Л. Франка «Нравственное учение Л.Н. Толстого» (1908) и «Памяти Льва Толстого» (1910), Е.Н. Трубецкого «Спор Толстого и Соловьева о государстве» (1910), Н.А. Бердяева «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого» (1912), С.Н. Булгакова «Л.Н. Толстой» (1910) и «Простота и опрощение» (1912), соответствующие страницы в работе П.И. Новгородцева «Об общественном идеале» (1917). Poleмика с непротивленчеством Толстого в рамках идеалистического направления, по сути, завершается с появлением статьи Н.А. Бердяева «Духи русской революции» (1918), и в особенности итоговой работы И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925) [26, с.121], на которую мы и будем опираться при анализе понятия «насилие».

Работа И.А. Ильина⁴ «О сопротивлении

⁴ Иван Александрович Ильин (1883-1954) - русский философ, социолог, государствовед и общественный деятель, магистр и доктор государственных

злу силою», как видно уже из ее названия, представляет собой полемический (против Л.Н. Толстого) трактат, посвященный проблеме активного, в том числе силового, противостояния злу. Как указывает И.А. Ильин, поводом к написанию его книги явились события русской революции и последовавшей за ней гражданской войны, и судьбоносные события, обрушившиеся на Россию [1, с.6]. Судьба этого произведения была непростой. Будучи опубликованной, книга стала предметом острой полемики, продолжавшейся несколько лет⁵. Работа «О сопротивлении злу силою» впервые была издана в Германии, второе ее издание вышло в Канаде в 1975 году. Прошло не одно десятилетие, прежде чем философское наследие И.А.

наук, автор более 30 книг и нескольких сотен статей и очерков. Основные работы: «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918), «Учение о человеке» (1918), «О сопротивлении злу силою» (1925), «Яд большевизма» (1931), «Путь духовного обновления» (1935), «О монархии и республике» (посмертная публикация 1979). Окончил юридический факультет Московского университета. По результатам защиты в 1918 году работы «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» И.А. Ильину присуждены две ученые степени – магистерская и докторская. После революции 1917 года включился в идейную борьбу против нового строя. В сентябре 1922 года философ был арестован в шестой раз и приговорен к смертной казни, которая была заменена высылкой из России. В течение 11 лет, с 1923 по 1934 годы, Ильин был профессором Русского научного института в Берлине, много писал в русской и иностранной печати, несколько лет издавал «Русский колокол. Журнал волевой идеи». В 1934 году после прихода в Германии к власти нацистов он был уволен из Русского научного института. Философ вынужден был эмигрировать из Германии в Швейцарию, где его преподавательскую и общественную деятельность власти также ограничивали. Но постепенно положение его укрепилось, и он смог продолжить свою работу.

⁵ К сожалению, судьба этой работы, как и судьбы многих иных произведений И.А. Ильина, повторили многотрудную жизнь самого автора, который за активное противодействие большевизму, выступления против нового политического режима, установившегося в то время в России, был в 1922 году выслан из нее. По этой причине многие его произведения были первоначально изданы за рубежом.

Ильина пришло к отечественному читателю. На родине ученого - в России - эта книга вышла лишь в 1993 году.

В начале работы Ильин производит выбор родового по отношению к насилию понятия, в качестве которого он избрал термин «заставление» («заставляющее применение силы к человеческому существу»), который включает все формы деяний, совершающиеся против воли другого: «Заставлением следует признать такое *наложение воли на внутренний или внешний состав человека, которое обращается не к духовному видению и любовному приятию заставляемой души непосредственно, а пытается понудить ее или пресечь ее деятельность*» [1, с.17]. Благодаря предварительному объединению всех воздействий, совершаемых против воли в одно родовое понятие «заставления» стало возможным выделение внутри него качественно разнородных форм заставления – *понуждения и насилия*. Сам Ильин противопоставляет термины «понуждение» и «принуждение»⁶, однако мы будем использовать далее более привычный термин «принуждение» для обозначения позитивного заставления. На основании подходов И.А. Ильина к проблеме разграничения различных форм заставления можно разработать систему *критериев*, которая обеспечит возможность осуществления более корректной квалификации действий, имеющих характер заставляющего воздействия.

Идеальным вариантом взаимоотношений вполне естественно представить такой тип отношений, в котором отсутствует какое-либо заставление. Такое представление о взаимоотношениях может возникнуть у исследователя по двум причинам:

1) по причине наивно-утопического представления о человеческих отношениях, заключающегося в предпосылке о возможно-

⁶ «Человеку не дано *принуждать* других к подлинным деяниям, т.е. духовно и душевно цельным поступкам... Вот почему осторожнее и точнее говорить не о физическом *принуждении*, а о физическом *понуждении*» [1, с.19].

сти осуществления всего добровольно, по согласию;

2) из-за опасений в возможности злоупотребления силой, ведь практически всегда существуют сомнения в необходимости заставляющего воздействия, в приемлемости конкретного средства воздействия и его меры и т.д., при этом возможность злоупотребления полностью исключить нельзя.

Отвергая заставление вообще, апеллируют также к тому, что оно болезненно (либо может быть таковым) и совершается против воли лица. Но как первый, так и второй аргументы несостоятельны.

Болезненность не может быть воспринята как серьезное препятствие к использованию заставления, так как болезненность не является достаточным основанием например, к отказу от операции, от которой зависит человеческая жизнь. Болезненность в таком случае имеет характер побочного, но неизбежного эффекта. Ведь принуждение в этом случае не осуществляется *ради* причинения боли, ради того, чтобы человек пострадал и помучился.

Столь же необоснованной является и ссылка на нежелание. Так, например, при воспитании детей этот аргумент не должен приниматься во внимание, так как нет оснований рассчитывать, что ребенок всегда и в полной мере способен сам верно регулировать свое поведение.

Все сказанное выше дает основание считать положение о необходимости тех или иных форм заставления если не доказанным, то, по крайней мере, достаточно обоснованным чтобы принять его за отправную точку для дальнейших рассуждений. Собственно, такой взгляд на вещи представляет собой своего рода аксиому *юридического* подхода к общественной жизни.

При этом естественным образом возникает идея о системе *критериев*, позволяющих разграничить принуждение как допустимую форму заставления от насилия как чего-то недопустимого и неприемлемого. Потребность в первоочередной разработке именно

таких – объективных - критериев необходима для того, чтобы избежать достаточно распространенного релятивизма и субъективизма в обсуждении проблемы насилия. Если абсолютизировать субъективный момент желания-нежелания лица и на основании единственного признака совершения чего-либо в отношении меня против (помимо) моей воли относить все такие действия к насилию, то таковым следовало бы считать и любые чужие оценки, несопадающие с моими, чужое мировоззрение, и даже - в конце концов – истину: «Но даже когда преподносится положительная информация, заставляющая, однако, менять свое мировоззрение, свое отношение к жизни, свои ценностные ориентации, стереотипы мышления, человек может воспринимать давление такой информации как психологическое насилие» [8, с.68]. Ведь истина существует независимо от наших желаний, и у нас по сути дела нет выбора – признать ее или нет.

Человеческое деяние является сложным феноменом, который складывается из субъективного и объективного не механически, а синтетически. Эти составляющие, безусловно, должны быть подвергнуты анализу при рассмотрении деяний, осуществляемых с применением силы к другому лицу. Трудность состоит в том, что невозможно рассмотреть объективное без учета субъективного, отделение одного от другого всегда несколько условно. Однако в данной работе акцент будет сделан на объективных характеристиках деяний⁷. Иными словами, нас интересуют общезначимые (и в этом смысле объективные) критерии, в которых бы субъективное было сведено к минимуму. Такой подход позволит избежать неясностей в случаях, когда потерпевший от насилия не воспринимал его в качестве такого (не считает

⁷ Относительно субъективных моментов отметим, что мы будем рассматривать лишь такие действия, которые совершаются умышленно. Что касается воли, то ее мы будем понимать в узком (субъективном) смысле – как осознаваемое желание (нежелание, согласие - несогласие).

себя потерпевшим), либо наоборот - когда считает, но оснований говорить о насилии, нет.

Кроме того, считаем важным пояснить, что нас не интересует и вопрос о вменяемости субъекта, применяющего силу, о его способности верно воспринимать ситуацию, в условиях которой ставится вопрос о применении силы. Будем предполагать, что субъект способен к верному оцениванию.

Критерий необходимости.

Этот признак характеризует деяние с позиции действительной (не мнимой) необходимости его совершения.

В связи с нашим стремлением к максимально возможному отстранению от приписывания субъективизма здесь необходимость объективная не тождественна субъективно осознаваемой необходимости. Следовательно, *необходимым* следует признать такое заставляющее воздействие, которое служит интересам и общественным и личным.

Подробнее остановимся на вопросе о содержании понятия «интерес». Понимание интересов также должно носить объективный характер. При этом субъективный момент *осознания* нужды в чем-либо учитываться не должен. Обязательность этого ограничения вызвана тем, что человек не всегда верно осознает свои действительные нужды, а некоторых, даже насущных, потребностей может не осознавать, либо считать вредным для себя их удовлетворение. И наоборот, вредное может восприниматься как полезное и жизненно обязательное. Особенно важно оговаривать этот момент при разработке проблемы, которая непосредственно касается воспитания, и объектом которого является не вполне сформированная личность – ребенок. В качестве признака объективной необходимости целесообразно использовать признак незаменимости средств без ущерба для обеспечения нормального физического и социального существования, а также развития. Важно понимать здесь, что интересы лица не тождественны его желаниям (как субъективно понимаемым, осозна-

ваемым как потребности). Допустим, что у человека возникло желание употребить наркотики, нанести себе либо другому лицу телесное повреждение, покончить жизнь самоубийством, истязать себя, голодать. Безусловно, что все это потенциально опасно не только для здоровья, но и для жизни. Допустимо ли признать указанные желания, которые, возможно, субъективно воспринимаются как необходимые, истинными интересами, и должны ли быть удовлетворены такие «потребности»? Проблема эта (конфликта субъективного (желаний) и допустимого, необходимого) является давней. В диалоге «Евтидем» юноша задает вопрос Сократу о том, справедливо ли: «...если кто, видя друга в отчаянии и боясь, как бы он не наложил на себя руки, украдет или отнимет у него меч или другое подобное оружие» [27, с.129-121]. Итак, допустимо ли называть «насильником» человека, который остановит самоубийцу или заставит питаться изможденного голоданием? Таким образом, мы приходим к выводу о том, что лицо, на которое направлено воздействие, может и не осознавать его необходимости⁸.

Итак, необходимость принуждения можно пояснить таким образом: если в конкретных обстоятельствах не применить силы вопреки воле лица, то последствия будут негативными. Например, если ребенок получил отравление, и его жизнь под угрозой, но при этом он будет сопротивляться введению инъекций либо какому-то другому лечению, и врачи учтут его желания, отказавшись от лечебных мероприятий, то ребенок умрет. Либо если ребенок выбегает на проезжую часть, но случайный прохожий его удерживает, и тем спасает ему жизнь. Впрочем, необходимость может быть обусловлена не только целями сохранения жизни или здоровья. Такими целями являются и достойное воспитание, ориентированное на то, чтобы в

будущем человек стал законопослушным гражданином, семьянином, профессионалом и т.д.

Итак, *ненасильственным (принудительным)* согласно этой позиции следует признать такое деяние, которое соответствует объективным нуждам лица;

- *насильственным* следует считать такое заставляющее воздействие, которое осуществляется при отсутствии необходимости (нужды) в нем.

Покажем указанные различия между принуждением и насилием на примере. В одном из судов Луганской области в 2006 году слушалось дело по фактам причинения родителями телесных повреждений их новорожденному ребенку. В течение первых девяти месяцев жизни ребенка были неоднократно обнаруживаемы на теле ребенка повреждения различной степени тяжести. В их числе – укус носа, гематомы обеих стоп, гематома в области мошонки (в возрасте ребенка около месяца), переломы обеих ключиц и т.д. Объясняя свои действия, родители мотивировали их *желанием* заставить ребенка замолчать, когда он плакал. Не подвергая оценке формы и последствия обозначенных деяний, проанализируем их на предмет необходимости (в принципе) в данном случае заставления. Воспитание (чем родители объясняли свои действия) в таком возрасте допустимо и возможно лишь путем терпеливого выполнения родителями своих обязанностей – удовлетворения жизненных потребностей ребенка, создания условий для нормального физического и полноценного психического развития и т.д. Об этом родители были уведомлены врачом при первом обнаружении у ребенка телесного повреждения. Ведь в таком возрасте применение каких-либо силовых усилий к ребенку не только не целесообразно, но и опасно. Кроме того, именно в первые месяцы жизни, как показывает практика, зачастую выявляются врожденные заболевания. И в описанном случае таковое действительно было обнаружено, и результатом его мог быть частый крик ре-

⁸ Это один из аргументов против использования субъективных критериев (опирающихся на восприятие принуждаемого) в качестве единственного критерия оценки заставляющего воздействия.

бенка по причине головных болей. Родители о заболевании были уведомлены. Итак, следует признать, что в описанном случае не было не только необходимости применения вообще каких-либо действий заставляющего характера, но даже допустить их использование было невозможно.

Критерий соразмерности (достаточности).

Допустим, что вопрос решен в пользу необходимости применения принуждения. Естественно, что после такого решения следует проблема выбора средства принуждения и его меры. Поэтому остановимся на проблеме *соразмерности*.

Соразмерность понимается нами как соответствие избранного воздействия (его качественно-количественных характеристик) характеристикам деяния, в связи с которым осуществляется принудительное воздействие. Следует заметить, что соразмерность не понимается нами как механическое соответствие «око за око»⁹. Необходимо внести значительные поправки в такое понимание в соответствии со следующими соображениями. Зачастую предполагается, что следует избирать меру принудительного воздействия в соответствии с тяжестью пресекаемого (по принципу схожему с таким как «наказание равно преступлению», где равенство понимается механически), при этом тяжесть наказания отождествляется с тяжестью совершенного, а характеристика совершенного приравнивается к характеристике объекта, на который должно быть оказано воздействие. Фактически, это понимание воздействия как кары самой по себе, не имеющей более ничего иного в качестве цели. Однако такое понимание далеко от разделяемого нами воззрения относительно сущности принуждения. Ведь невозможно избежать при выборе

⁹ «... в великое заблуждение впадают родители, когда строгость наказания измеряют тем вредом или убытком, который нанесло дитя своим проступком» // Священномученик Владимир, митрополит Киевский и Галицкий. Азбука православного воспитания - цит. по [28, с.145-146].

меры пресечения, принуждения учета таких важных факторов (характеристик ситуации) как цель воздействия, возможности принуждаемого субъекта, обстановка, возможность эффективного достижения цели путем применения минимально болезненного и достаточного средства и т.д. Для примера разумного отношения к проблеме соразмерности приведем выдержки из ст.50 («Понятие наказания и его цель») Уголовного кодекса Украины: наказание имеет целью не только кару, но и исправление осужденных.

Допустимым и не выходящим за рамки принуждения, то есть *ненасильственным*, может быть признано лишь такое заставляющее воздействие, которое является необходимым и достаточным в конкретном случае, то есть адекватно пресекаемому деянию¹⁰. В качестве примера выбора верного соотношения между средством и объектом воздействия по аналогии можно привести проблему выбора метода лечения в зависимости от тяжести заболевания (травмы). Так, при ссадине достаточно очистить рану и смазать ее ранозаживляющей мазью. При переломе нужен гипс. Ну, а при гангрене может понадобиться ампутация как единственно возможный способ спасти жизнь. И, безусловно, при ссадине ампутацию конечности осуществлять неразумно.

Иной вариант - если применяется средство, которого недостаточно для оказания необходимого воздействия. А соответственно оно не в состоянии оказать нужного эффекта, и таким образом, будет лишь бессмысленным мучением, в данном случае обречен-

¹⁰ Мы не будем затрагивать здесь проблему возможной реакции на осуществляемое принудительное воздействие (в связи со степенью его соразмерности – соблюдения ее либо несоблюдения). Отметим лишь, что выбор неадекватного средства может вызвать возмущение по причине несправедливости избранной меры воздействия, а соответственно привести к отрицательному результату. Впрочем, такой же может оказаться и реакция на применение средства вполне соразмерного проблеме. Любой человеческий поступок (как действие, так и бездействие), рискует быть воспринятым враждебно.

ным на неудачу, либо не сможет обеспечить защиту от нападения. Еще один возможный исход – лицо, к которому воздействие применяется, может симулировать результативность деяния с тем, чтобы избежать более серьезного воздействия.

При нарушении соразмерности в виде превышения достаточного средства явным образом будут причинены излишние страдания, причем размер их может быть таким, что вызовет непоправимые физические либо психические травмы, причиненные напрасно. Так, иногда родители прибегают к телесным наказаниям детей, когда ребенок впервые совершил небольшую провинность. При этом родители не пытаются вначале поговорить с ребенком, не стараются объяснить ему его неправоту, убедить. Также нецелесообразно в качестве универсальной «воспитательной меры» использовать порку.

Хороший пример мы найдем при рассмотрении условий правомерности самообороны. Речь идет о таком институте уголовного права как необходимая оборона (статья 36 УК Украины). Необходимой обороной признаются действия, совершенные в целях защиты охраняемых законом прав и интересов защищаемого лица либо иного лица, а также общественных интересов и интересов государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, необходимого и достаточного в данной обстановке для немедленного предотвращения или пресечения посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Условиями необходимой обороны являются:

1. Условия, характеризующие общественно опасное посягательство:

- а) действительность (реальность) преступного посягательства,
- б) общественная опасность посягательства;
- в) наличность общественно опасного посягательства.

2. Условия, характеризующие защитные действия, то есть определяющие пределы

защитных действий (чтобы они не превышали пределов необходимости, а вред, причиненный лицу, которое осуществляет посягательство, не превышал тот, который для этого необходим):

а) возможность защищать лишь те ценности, которые непосредственно названы в ч.1 ст.36 УК: права и интересы лица, которое защищается, других лиц, общественные интересы либо интересы государства;

б) вред должен быть причинен лишь лицу, которое совершает посягательство, а не любому другому лицу;

в) защита не должна превышать пределов необходимой обороны.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Украины даны разъяснения относительно условий, при соблюдении которых не будет превышения пределов необходимой обороны. Так, необходимо выяснять, имело ли возможность лицо, которое защищалось, реальную возможность эффективно отразить общественно опасное посягательство посредством других средств с причинением посягающему вреда, необходимого и достаточного в конкретной обстановке для немедленного предотвращения либо прекращения посягательства: «При розгляді справ даної категорії суди повинні з'ясувати, чи мала особа, яка захищалася, реальну можливість ефективно відбити суспільно небезпечне посягання іншими засобами із заподіянням нападникові шкоди, необхідної і достатньої в конкретній обстановці для негайного відвернення чи припинення посягання» [12]. Это определяется соответствием либо несоответствием орудий нападения и защиты, характером опасности, которая угрожала лицу, обстоятельствами, которые могли повлиять на реальное соотношение сил, в том числе: место и время нападения, его внезапность, неподготовленность к его отражению, количество нападающих и тех, кто защищался, их физические данные (возраст, пол, состояние здоровья) и другие обстоятельства: «Щоб установити наявність або відсутність ознак перевищення меж необхідної оборони, суди

повинні враховувати не лише відповідність чи невідповідність знярядь захисту і нападу, а й характер небезпеки, що загрожувала особі, яка захищалася, та обставини, що могли вплинути на реальне співвідношення сил, зокрема: місце і час нападу, його раптовість, неготовність до його відбиття, кількість нападників і тих, хто захищався, їхні фізичні дані (вік, стать, стан здоров'я) та інші обставини» [13]. Превышением пределов необходимой обороны признается умышленное причинение тому, кто посягает, такого вреда, который явно не соответствует опасности посягательства¹¹. Защита при необходимой обороне должна соответствовать характеру посягательства, то есть необходимо учитывать ценности, которым причиняется вред либо которые ставятся под угрозу причинения вреда, их место в иерархии ценностей. Очевидно, что не является правомерным, например, лишение жизни либо причинение тяжкого вреда лицу, которое совершает хулиганские действия. Особенно важным является учет степени общественной опасности посягательства: направлено оно на причинение легких, средней тяжести, тяжких телесных повреждений либо на лишение жизни другого лица либо нескольких лиц и т.д. Таким образом, чем выше степень общественной опасности посягательства, тем большей интенсивности допускаются защитные действия. Согласно закону не требуется, чтобы орудия либо средства, которые используются при защите, были аналогичны тем, которые используются лицом, осуществляющим посягательство. Правомерным будет, например, применение огнестрельного оружия против лица, которое осуществляет посягательство с использованием холодного оружия, либо к лицу, которое вообще никаких

¹¹ Ст.118 УК Украины «Умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника»; ст.124 УК Украины «Умышленное причинение тяжких телесных повреждений при превышении мер, необходимых для задержания преступника».

средств не использует, но намного сильнее лица, которое защищается, владеет приемами борьбы и т.д. [29, с.69].

Итак, общее положение для оценки применения силы согласно данного критерия, - применять такое средство и в такой мере, которые не более необходимого и достаточного в конкретном случае. Если же необходимое соотношение нарушено, то принужденное обращается в насилие.

Критерий автономности.

При оценке необходимости воздействия, а также выборе достаточного средства и меры воздействия должна быть учтена в обязательном порядке такая характеристика человека как способность к самоопределению. В каждом человеке существует в виде потенции способность не только определять, что должно, а что недопустимо совершать, но и способность направлять свои внутренние силы (даже против своего желания либо нежелания) на совершение объективно необходимого (должного) либо пресечение недопустимого.

Вероятно, здесь может быть усмотрено противоречие: если человек может сам определять что необходимо, а что неприемлемо, и сам принуждать себя к нужному поведению, то каким образом мы можем признать допустимость внешнего принуждения? Для демонстрации отсутствия здесь противоречия приведем пример. Скажем, ребенок ленив, и учиться не хочет. Обязанность родителей в этом случае – принять меры к воспитанию в ребенке необходимых для него же качеств – усидчивости, силы воли, упорства и т.д. Ведь и взрослого человека не всегда возможно *убедить* в необходимости ограничения своих желаний. Учение же – вещь, требующая отказа от ряда удовольствий, либо их ограничения в пользу более достойных целей. Этому и следует учить ребенка, побуждая его уже к самовоспитанию. Говоря словами И.А. Ильина, принуждение (положительное заставление) направлено на возбуждение созидających сил в человеке, чтобы тот сам побудил себя «...к необходимому и

духовно верному *автономному самопринуждению*» [1, с.26].

Очевидно, что эта характеристика воздействия должна учитываться на этапе выбора средства воздействия и его меры.

Хотя вопрос о необходимости принуждения может возникнуть не только в процессе воспитания (задача которого - верно направить внутренние силы человека, найти подходящий способ, обеспечивающий самоорганизацию и самовоспитание ребенка), но и при защите от нападения, наказании преступника и т.д., принципиальным и единым для всех ситуаций приложения силы следующее положение: при принуждении (положительном заставлении) сила может быть применена лишь как *помощь* личности, которая неспособна самостоятельно верно руководить своими действиями. Внешняя помощь должна возместить неспособность сопротивляться силам природы, недостаток опыта, слабость воли и т.д. То есть, при верном (положительном) заставлении личность не игнорируется, напротив, все предпринимаемое в отношении нее, хоть и совершается против ее воли, но единственно с целью восполнения ее недостатков¹². При этом в каче-

¹² Вопрос о достоинстве субъекта, к которому применяется принуждение, здесь не поднимается. В качестве аксиомы определим, что, так как любой субъект, являясь членом общества, не теряет своей ценности ни в случае совершения преступления, ни в случае отсутствия какой-либо социально полезной активности. Ведь в современной модели правового государства, основанного на верховенстве прав человека, ни лицом, ни обществом нельзя пренебречь. В одной из формулировок категорического императива Иммануила Канта эта позиция выражена следующим образом: «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» - см. работу: Кант И. Основы метафизики нравственности. -Сочинения: В 6-ти т. -Т.4. -Ч.1. -М.: Мысль, 1965. -С.270.

Таким образом, каждое лицо в любой ситуации должно выступать в качестве цели, а не только средства либо препятствия, подлежащего устранению. И принуждение (ненасильственное заставление) как реакция на негативное проявление всегда направлено одновременно как на лицо виновное (на его интере-

стве презумпции имеем позицию о наличии способности к личной автономности - верному самоуправлению. В противном случае принуждение будет осуществляться хоть и в связи с необходимостью, но скорее социальной, чем индивидуальной. Например, скорее насилем следует признать пожизненное тюремное заключение, которое осуществляется с единственной целью - изоляции, а способность личности к положительной автономности при этом практически игнорируется.

Так, например, право, стоящее на разумных и гуманных позициях, прибегает к временным, ограниченным наказаниям, дифференциации санкций, экономии репрессии. Во многом такой подход совместим с надеждой на человеческую личность, на ее способность самостоятельно противостоять своим негативным проявлениям.

Поэтому, *принуждение* (ненасильственное заставление) должно предполагать создание условий для самостоятельного созидания личности [1, с.26]. Исходя из этого положения нельзя, например, отнести к насиллию такое воздействие, как угроза при разводе забрать детей, запрет общаться с определенными людьми (друзьями, подругами), что некоторыми [20, с.71] расценивается как насилие.

Внешнее принуждение лишь тогда является *ненасильственным*, если совместимо со «стимулированием» присущей каждому человеку автономности, если при выборе средства и его меры адекватно учитывается эта способность человека. На этом принципе, - самопринуждения, - фактически основываются все меры действительно гуманного и эффективного наказания (которым достигаются не только внешние результаты - словесное либо деятельное раскаяние, но и

сы), так и на интересы социальные. Например, при пресечении преступления само пресечение применяется для защиты пострадавших (либо защиты возможных пострадавших), но и в равной мере и для преступника, во избежание утверждения его на преступном пути, дальнейшей нравственной деградации и т.д.

окончательный отказ от совершения преступлений в будущем).

Нарушающим этот принцип, а, следовательно, *насильственным*, будет такое деяние, которое игнорирует способность лица к самозаставлению, поиску внутренних сил для борьбы с собственными негативными качествами, проявлениями.

С этой позиции насилием, безусловно, будет такой вид «наказания» как лишение жизни (смертная казнь), которым фактически признается «неисправимость» (тождественная безличности) лица. И обозначенная нами выше логика понимания наказания как воздаяния (кары) явным образом проявляется при рассуждениях в пользу необходимости смертной казни: «Смертная казнь как наказание за убийство другого человека при особых обстоятельствах выражает исключительную меру наказания и является выражением высшей справедливости, так как она полностью соответствует тяжести совершенного преступления – отнята жизнь другого человека» [30, с.21].

Критерий своевременности.

Почему мы вносим этот параметр (эту характеристику) для квалификации действия с насилием? Почему так важно учесть момент приложения силы? Это вызвано тем, что не вовремя примененная сила ставит под сомнение необходимость ее применения в принципе.

Своевременность – это тот период времени, когда применением силы возможно добиться желаемого эффекта.

Уместно в этой связи упомянуть о таком юридическом институте как освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (привлечения к уголовной ответственности). В ст.49 УК Украины («Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности») обозначена прямая зависимость между сроками давности привлечения к уголовной ответственности и степенью тяжести совершенного лицом преступления. Там же обозначены преступления, при совершении

которых давность не применяется: ст.437 («Планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны»), ст.438 («Нарушение законов и обычаев войны»), ст.439 («Применение оружия массового поражения»), ч.1 ст.442 («Геноцид») [31]. Можно предположить, что относительно лиц, совершивших указанные преступления, есть основания утверждать о том, что совершившие такие деяния, всегда нуждаются в наказании.

Таким образом, при воздействии *ненасильственного* принудительного характера должно соблюдаться требование совершения воздействия в оптимальное для этого время. Так, например, согласно одному из положений уголовного процесса целесообразно приближать наказание к моменту совершения преступления [32, с.537-538].

Проявлением *насилия* также будет приложение силового воздействия *ранее* совершенного деяния. Примером насилия согласно этому критерию являются «профилактические» порки детей. При таком способе «воспитания» невозможно рассчитывать на действительное осознание ребенком причин наказания. Да и о каком наказании может идти речь в таком случае, если нет (и неизвестно, будет ли совершено) действие, за которое наказывают.

Критерий последствий.

Если критерий соразмерности касается оценки формы воздействия и его интенсивности, определяемых путем их соотношения с пресекаемым деянием, то критерий последствий связан с его результатом (как реальным, так и возможным). Отсутствие последствий не меняет характера и направленности самого действия в том случае, если посягающее лицо осуществило все действия, чтобы наступил желаемый им результат¹³.

¹³ См., например, [10, с.3]: «Насилие не всегда причиняет физический вред человеку, например, при выстреле, когда преступник промахивается. Поэтому под насильственными следует понимать преступления, направленные на причинение вреда физическим благам личности».

Необходимость обращения к этому параметру заставляющего воздействия вызвана естественной тенденцией - причислять к насилью действия, которые сопряжены с причинением вреда. При этом вред может пониматься как субъективно (в виде неприятных ощущений, воспринимаемых как вред), так и объективно (телесные повреждения, лишение жизни, уничтожение имущества и т.д.). В связи с этим наиболее тяготеют к насилью такие действия как причинение вреда здоровью, лишение жизни. Однако нам необходимо разобраться с допустимостью такого отождествления.

Применение силы в случае принуждения (положительного заставления) есть средство, использованное как необходимое для достижения позитивного (в социальном либо личностном плане) результата. Таким образом, немаловажным является характер преследуемой действием цели, он во многом предопределяет позитивность либо негативность оценки действия.

Такой подход к оценке противовольных воздействий значительно отличается от тенденции причислять к насилью все действия заставляющего характера, которые сопряжены с причинением вреда (травмы). В этом случае невозможно осуществить дифференциацию действий в зависимости от ценностного характера целей (их позитивности либо негативности), что предполагает ценностную однородность всех противовольных вредоносных воздействий, что недопустимо.

Сам по себе причиненный вред не может являться достаточным основанием для причисления действий к насилью. При осуществлении *принуждения* вред, который сопутствует (либо может сопутствовать) приложению силы, не является целью самой по себе, а лишь побочным неизбежным последствием.

Так, например, применение слезоточивого газа, совершаемое в обеспечение обезвреживания преступника ради спасения жизни заложников, нельзя отнести к насилью.

При *насилии* же вред является самоцелью

либо преследует ценностно негативную цель. Например, как при причинении телесного повреждения из мести.

Критерий нормативности.

Этот критерий тесно связан с возможностью применяющего силу субъекта верно определить необходимость применения, средство и его меру, время приложения. Под ним понимается такая характеристика воздействия как соответствие (несоответствие) существующим в обществе нормам (образцам). Этот критерий исключительно важен, так как в ситуации оказания принудительного воздействия субъект, его осуществляющий, должен самостоятельно принимать решение о необходимости, мере, времени воздействия. Если при этом он не будет ориентироваться на какие-либо эталоны, нормы, а определять самостоятельно, то злоупотребление будет более вероятно, чем при отсутствии норм либо отсутствии знания о них.

Самым первым и простым решением в современной ситуации могло бы стать следующее – существуют нормы права, и надлежит действовать в их рамках. Именно по этому пути идут некоторые авторы, определяя в качестве достаточного признака насилья противозаконность принудительного воздействия (о чем упоминалось нами ранее).

Однако здесь существует сложность следующего характера. Помимо норм права существуют и нормы неформального характера, игнорировать существование которых невозможно – социальные, моральные, религиозные. И в ситуации определения параметров применения силы субъект может оказаться в ситуации выбора между формальными и неформальными нормами (способами поведения). Криминолог имеет дело с социальной реальностью, в которой действуют все указанные нормы, оказывающие влияние на поведение человека. И при анализе поведения нормативная составляющая должна быть учтена.

Распространенной, но достаточно проблемной есть тенденция причисления к насилью противовольных действий по призна-

ку их противоправности (запрета в законе). Рассмотрим связанные с ней трудности. Во-первых, возможны пробелы в праве, коллизии, конфликты нормы права и духа (идеи) права. Во-вторых, право не всегда адекватно отражает (фиксирует) объективно необходимое.

Так, право может четко предписывать условия применения силы, например, приемов рукопашного боя, оружия, специальных средств¹⁴, а может предоставлять возможность субъекту применять силу по своему усмотрению: «Так, § 35.10 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк (США), закрепляющей обстоятельства, при наличии которых применение физической силы к другому лицу является оправданным, а не уголовно наказуемым, гласит, что «родитель, опекун или другое лицо, на которое возложено осуществление заботы и надзора в отношении другого лица в возрасте до 21 года или недееспособного лица, а также педагог или другое лицо, на которое возложено осуществление заботы и надзора в отношении лица в возрасте до 21 года со специальной целью, может применять к такому лицу физическую силу, тогда и в такой степени, когда и насколько, как оно разумно полагает, это необходимо для поддержания дисциплины и содействия благополучию такого лица» [33, с.41]. Принятый в 70-х годах в Канаде закон о злоупотреблении ребенком также разрешает применение, в том числе в семье, к детям физического наказания, которое в законе определяется как «приемлемый» уровень дисциплинарного воздействия [33, 41-42].

Однако законодатель может пойти и по сомнительному пути необоснованного отвержения какого-то средства во избежание злоупотребления им, либо во избежание возникновения трудностей доказывания и привлечения к ответственности. Так, в соответствии с положением ст.150 Семейного кодекса Украины от 10.01.2002 г. (вступил в

силу 01.01.2004 года) [34], запрещаются физические наказания ребенка родителями, а также применение ими других видов наказаний, которые унижают человеческое достоинство ребенка. На первый взгляд понятный запрет. Однако неясно, по каким мотивам законодатель признает физическое наказание (то есть, применение любого характера и меры физической силы) унижением человеческого достоинства. Следуя такой логике, нужно признать, что применение приемов рукопашного боя и огнестрельного оружия при задержании преступника также является унижением человеческого достоинства.

К слову отметим, что в приведенной выше норме Семейного кодекса Украины нашло свое выражение неверное понимание сущности и средств воспитания, которое сродни принципу «непротивления» Льва Толстого. Для И.А. Ильина первоисточком этой фикции является отвержение православного христианского взгляда на проблему человека. В качестве противовеса «непротивленчеству» приведем выдержку из работы священномученика Владимира (Богоявленского) митрополита Киевского и Галицкого: «Телесное наказание есть как первое, так и последнее, то есть самое строгое и чувствительное средство наказания и потому должно быть употребляемо как можно реже и только при самых серьезных и важных проступках дитяти, и притом тогда только, когда все другие средства оказались бесплодными. Но если оно употреблено, то оно должно быть таково, чтобы дитя почувствовало его и надолго запомнило». «Главнейшее и необходимое условие для допущения этого средства, это – его редкое и, так сказать, вынужденное употребление, ибо от частых телесных наказаний дети делаются, как справедливо замечено, жестокосердными» [28, с.145-146]. Здесь мы видим различные позиции относительно решения проблемы возможного злоупотребления физическим наказанием – отвержение средства и определение условий и пределов его применения.

Итак, необходимо учесть, что согласно

¹⁴ См. ст.ст.12-15.1 Закона Украины «О милиции» от 20.12.1990 г.

признаку предписания нормой (например, законом) каких-либо принудительных действий либо запрета совершения чего-либо невозможно автоматически причислить запрещенное к насилию, а предписанное либо не запрещенное к ненасилию. Здесь речь идет о возможном конфликте между буквой права и духом права.

Высказанные сомнения в полной мере относятся и к социальным нормам, обычаям. Возможным выходом из данной проблемы может являться ориентация на дух права, на принципы права, которые в идеале согласованы с другими ценностями – религиозными и моральными нормами.

Таким образом, как минимум, мы должны задаться рядом вопросов: каким нормам следует отдавать предпочтение при выборе средства принуждения? Какова иерархия существующих норм и ценностей? Является ли право в силу его формальности абсолютной ценностью, даже если противоречит морали и вере? Эти важнейшие и сложные вопросы, безусловно, не могут быть решены в рамках данной статьи, но рассмотрение их обязательно должно быть осуществлено при тщательном анализе проблемы насилия.

Итак, *насильственным* противозаконное действие не может быть признано исключительно по признаку его запрета посредством норм права, так как существуют значительные сомнения в адекватности норм права духу права, другим ценностным нормам. Возможность учета в качестве существенного признака насилия запрет его в нормах права должна быть определена в связи с иными видами ценностных норм – моральных и религиозных. Этот признак может быть использован в криминологии лишь как факультативный, но для правоприменительной практики он, конечно, имеет первоочередное значение.

Представленные выше критерии мы старались сделать максимально объективными. Такой подход позволяет уйти от опасного уклона в крайний субъективизм.

Представленная здесь методология была

использована в процессе разработки программы исследования «Милиция в зеркале общественного мнения»¹⁵ и программы диссертационного исследования «Криминологическая характеристика преступного насилия, совершаемого в отношении членов семьи (на примере Луганской области)»¹⁶. Результатом применения данной методологии стало использование четко и однозначно сформулированных вопросов о фактах насилия, что облегчило интерпретацию полученных данных, позволило исключить сомнения относительно субъективности понимания вопросов респондентами.

В заключение отметим, что важности представленной здесь проблемы невозможно переоценить. Однако наряду с важностью ей присуща и значительная сложность. Одной из главнейших причин ее является явно выраженная философская направленность проблемы, что существенно затрудняет для юриста разрешение вопроса, ведь она требует широкой осведомленности не только в юридической, но и в философской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой // Путь к очевидности. –М.: Республика, 1993. –431 с.
2. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. –М.: ЮНИТИ-Дана; Закон и право, 2000. –207 с.
3. Петин И.А. Механизм преступного насилия. –СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. –343 с.

¹⁵ Социологическое исследование «Милиция в зеркале общественного мнения», опрос совершеннолетних жителей г. Луганска, было проведено в июне 2004 года Лабораторией криминологических и социологических исследований Луганской академии внутренних дел имени 10-летия независимости Украины (N=720).

¹⁶ Исследование архивных уголовных дел и дел об административных правонарушениях по фактам насильственных действий проводилось в январе-феврале 2007 года.

4. Крижна Л.В. Злочини у сфері сімейно-побутових відносин (кримінологічний аспект): Монографія. –К.: КІВС, 2003. –105 с.
5. Кочеткова С.В. Опыт анализа насилия в семье // Социс. –1999. –№ 12. –С.114-117.
6. Иванцова Н. Основные положения концепции общественно опасного насилия в уголовном праве // Уголовное право. –2004. –№ 4. –С.26-28.
7. Пономарев П., Ильяшенко А. Проблемы совершенствования норм общей части УК, влияющих на ответственность за насилие в семье // Уголовное право. –2003. –№ 3. –С.48-50.
8. Шипунова Т.В. Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности // Социс. –2002. –№ 5. –С.67-76.
9. Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. –М.: Изд-во «Юридическая литература», 1969. –120 с.
10. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. –М.: Изд-во «Юридическая литература», 1974. –167 с.
11. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. –СПб.: Изд-во «Юридический Центр Пресс», 2001. –295 с.
12. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. –М.: ООО Издательство Юрлитинформ, 2002. –384 с.
13. Радостева Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия: Автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08 /Уральск. гос. юрид. академия. –Екатеринбург, 2006. –32 с.
14. Бойко О.В. Насильство в сім'ї: соціологічний аналіз явища: Автореф. дис... канд. соц. наук: 22.00.03 /НУВС. –Харків, 2003. –20 с.
15. Фуркало В.І. Філософський аналіз проблеми насильства і ненасильства в суспільному розвитку: Автореф. дис... канд. філос. наук: 09.00.03 /Львівськ. держ. ун-т ім. Івана Франка, 1998. –12 с.
16. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. –1994. –№ 6. –С.35-41.
17. Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. –1995. –№ 5. –С.5-12.
18. Блага А. Агресивність та насильство у сім'ї: співвідношення та особливості проявів // Українське право. –2002. –№ 1. –С.199-202.
19. Ігнатів О. Кримінальне насильство: окремі питання // Право України. –2005. –№ 3. –С.67-71.
20. Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Методология выявления масштабов супружеского насилия при проведении конкретного социологического исследования // Девиантное поведение: Методология и методика исследования /Под ред. М.Е. Поздняковой. –М.: Реглант, 2004. –С.67-78.
21. Этика: Энциклопедический словарь /Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. –М.: Гардарики, 2001. –671 с.
22. Протизаконне насильство в органах внутрішніх справ: Соціологічний та історико-правовий аналіз /За заг. ред. О.Н. Ярмиша. –Харків: Вид-во Нац. ун-ту внутр. справ, Харківська правозахисна група, 2005. –212 с.
23. Шарапов Р.Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. –СПб. ун-т МВД России. –СПб., 1999. –24 с.
24. Думко Ф.К. Підготовка курсантів до роботи з неблагополучними сім'ями. –Одеса: Астропринт, 2002. –168 с.
25. Ожегов С.И. Словарь русского языка. –М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. –900 с.
26. Гнатенко Е.А. Философский проект правового государства в культуре предреволюционной России: Монография. –Луганск: РИО ЛАВД, 2003. –288 с.
27. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. –М.: Изд-во «Наука», 1993. –379 с.
28. Щеголева Е.В. Православные брак и семья. –М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. –192 с.
29. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України /За ред. С.С. Яценка. –К.: А.С.К., 2002. –936 с.
30. Добреньков В.И. И по закону, и по справедливости убийство должно караться смертной казнью // Преступление и наказан-

ние: Криминализация России как социально-политическое явление: Материалы дискуссии. –М.: Альфа-М, 2004 (Сер.: «Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии»). - Вып.3. -С.7-37.

31. Кримінальний кодекс України від 5.04.2001 року // ВВР України. –2001. -№ 25-26. –Ст.131.

32. Коваленко Є.Г. Кримінальний процес

України: Навч. посіб. –К.: Юрінком Інтер, 2003. -576 с.

33. Ильяшенко А.Н. Насилие в семье: исторический аспект // История государства и права. –2003. -№ 2. -С.40-44.

34. Сімейний кодекс України. Прийнятий 10 січня 2002 р. // ВВР України. –2002. -№ 21-22. -Ст.135.

Приколотина Ю.Л. К вопросу о методологии криминологического исследования насилия // Форум права. -2007. -№ 1. –С.131-148 [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2007-1/07pulkin.pdf>

В контексте иных существующих методологических приемов определения насилия рассматриваются теоретические проблемы исследования насилия в аспекте необходимости разработки системы критериев, которые позволили бы осуществлять комплексный анализ деяния на предмет установления качественных признаков насильственного воздействия.

Приколотина Ю.Л. До питання про методології криминологічного дослідження насильства

У контексті інших існуючих методологічних прийомів визначення насильства розглядаються теоретичні проблеми дослідження насильства в аспекті необхідності розробки системи критеріїв, які дозволили би здійснювати комплексний аналіз діяння на предмет установлення якісних ознак насильницького впливу.

Prikolotina Ju.L. To a question on methodology criminological researches of violence

In a context of other existing methodological receptions of definition of violence theoretical problems of research of violence in aspect of necessity of system engineering of criteria which would allow carrying out the complex analysis of act for an establishment of qualitative attributes of violent influence are considered.